

Пара исполинских глаз, застывшая в поднебесье, казалась бездонной; человек перед этим взором выглядел жалкой, едва заметной песчинкой.

Тончайшие нити паутины и Су Цзюгуй давно стали единым целым. Обычно ему требовалось лишь краем сознания следить за ними, но сегодня вся его духовная суть переселилась в шелковые волокна. Связь оказалась столь глубокой, что он не мог вырваться из плена чужих ощущений.

Паутина, опутавшая солдат Армии Таинственных Символов, отчаянно рвалась на волю. Ей даже не требовалась воля Су Цзюгуя — она повиновалась животному инстинкту, наощупь ища выход.

Черный корабль, на котором плыли воины, опасно кренился с боку на бок. Пробираться по нему было тяжело, но стоило нитям доползти до самого края борта, как они внезапно замерли.

Вдали, взрезая воду, стремительно приближалось нечто огромное — неодолимый поток, похожий на косяк мигрирующих рыб.

Когда очертания наконец прояснились, паутина оцепенела от первобытного ужаса. Это были младенцы.

Бесчисленные детские тела, тесно прижавшись друг к другу, стремительно рассекали темные воды Реки Небесной Воды. Движимые проклятой силой, точно одержимые речными демонами, они в мгновение ока очутились у бортов.

С глухим шлепком крошечная бледная ручка вцепилась в край черного судна. Корабль сильно качнуло.

Река Небесной Воды издревле пользовалась дурной славой — в ее глубинах веками хоронили мертвых младенцев. Подпитываемая неисчислимыми крупицами злобы и обиды, эта река давно обрела собственное жуткое сознание.

Нити оцепенели, отказываясь верить в происходящее. Первый младенец перевалился через борт на палубу, а следом за ним, цепляясь друг за друга, хлынули сотни, тысячи других.

Паутина бросилась назад, ища спасения, но она недооценила скорость наступавшей лавины. Твари заполняли корабль. Они двигались на четвереньках, хаотично и пугающе быстро шурша по доскам палубы.

Огромный корабль начал медленно погружаться в пучину, словно невидимая исполинская длань неумолимо тянула его на дно.

Судно казалось крошечным и беззащитным в этой бездне. Будто капризный ребенок играл с

бумажным корабликом, безжалостно увлекая его под воду ради забавы.

Наконец палуба скрылась под водой.

Ледяная, гниlostная влага Реки Небесной Воды хлынула в горло.

Су Цзюгуй резко открыл глаза.

Перед взором колыхался полог кровати в усадьбе Вэнь, на котором неподвижно сидел комар. Юноша судорожно хватал ртом воздух — панический ужас, пережитый паутиной, до сих пор эхом отзывался в его груди.

Что это было? Сон?

Но бодрствует ли он сейчас?

Он явственно ощущал волну всепоглощающей злобы. Су Цзюгуй почувствовал ее еще у Реки Небесной Воды, но теперь эта беспричинная ненависть разрослась до невероятных масштабов, более не пытаясь скрывать своего присутствия.

Злоба — это тоже своего рода ментальная сила: незримая, но смертоносная.

Не будь у Су Цзюгуя духовного облика Лу Юньцзи, он не смог бы противостоять столь мощному давлению. Его разум разлетелся бы на куски в мгновение ока, а тьма увлекла бы его душу на самое дно бездны. Он поддался бы зову, покорно пришел к реке и принес себя в жертву скрывающимся в темных глубинах тварям.

Су Цзюгуй огляделся. Место рядом с ним, где обычно спал Сяобай, пустовало.

Постель оказалась совершенно холодной, словно на ней никто и не лежал.

— Сяобай, — позвал Су Цзюгуй.

Ответа не последовало. От звука собственного голоса комната мгновенно vystудилась, будто в одно мгновение наступила глухая зима, и ледяной холод проник до самых костей.

Каждое его слово теперь срывалось с губ легким белым облачком пара.

— Сяо Цзю.

Кто-то негромко позвал его по имени.

Су Цзюгуй сморгнул. На этот раз полог над кроватью исчез. Прямо над ним, едва ли не касаясь его носа, нависало мертвенно-бледное лицо.

— Вставай.

У Су Цзюгуя перехватило дыхание. Он молча созерцал застывшую маску мужчины. Тот смотрел на него сверху вниз с ледяным равнодушием, опустив уголки губ, словно разглядывал кусок сырого мяса.

Когда мужчина говорил, изо рта не шло пара. Дыхание на морозе рождает лишь живые. Мертвецы не дышат.

Су Цзюгуй все еще спал. Это был сон.

— Живо вставай, к тебе пришли.

Мужчина медленно выпрямился, сделав шаг назад. Движения его казались на редкость деревянными, неестественными, точно у бездушной марионетки, хотя никаких нитей к его телу не тянулось.

Су Цзюгуй не мигая разглядывал незваного гостя. Спустя мгновение в его памяти вспыхнуло узнавание.

Они не виделись целую тысячу лет. Перед ним стоял его собственный отец.

Звали его Су Чжицин. Это был опустившийся, нищий ученый, который полжизни безуспешно пытался сдать государственные экзамены на степень сиуцая. Потерпев крах, он вернулся в родную деревню пахать землю, вымещая злобу и нереализованные амбиции на жене и детях.

Су Цзюгуй смутно помнил, что в детстве все его тело было покрыто ссадинами и кровоподтеками. Он невольно закатал рукав и увидел на предплечье ровные ряды крошечных проколов.

У Су Чжицина водились весьма причудливые методы наказания. Он презирал обычные розги и плети, предпочитая им гребень.

Этот инструмент он заказал у деревенского кузнеца: железный гребень с острыми, как иглы,

зубьями. Су Чжицин заставлял маленького Су Цзюгуя стоять на коленях на заднем дворе и методично избивал его этим гребнем по рукам.

Острые зубья глубоко вонзались в плоть, оставляя после себя узор из мелких дырочек.

Раны не были смертельными — так, мелкие капли крови, которые быстро запекались, а после заживления превращались в крошечные темные рубцы.

Су Цзюгуй уже забыл, каково это — носить на себе шрамы. На пути самосовершенствования обычное оружие не способно оставить на теле заклинателя неизгладимых следов; у великого Лу Юньци оставался лишь один глубокий шрам на спине, оставленный когтями свирепого демона.

Су Цзюгуй опустил взгляд. На нем было вовсе не привычное легкое одеяние зеленого шелка, а грубое рубище из дешевой конопли.

Ткань пестрела разноцветными заплатами, а одна штанина была порвана у самого колена.

Су Чжицин, недовольный тем, что мальчик застыл без движения, грубо схватил его за плечо и дернул вверх.

— Вставай, паршивец! Оглох, что ли?! — рявкнул он.

В те годы Су Цзюгуй вечно недоедал и рос слабым, болезненным ребенком, похожим на сухой стебелек. Он почти ничего не весил, и отцу не составило труда одним рывком сбросить его на земляной пол.

Оказавшись на ногах, Су Цзюгуй понял, что едва достает отцу до плеча. Ему снова было десять лет.

В нос ударил резкий, кислый запах дешевого алкоголя. Мальчик поморщился.

— Опять пил? — тихо спросил он.

Удивительно, но именно эти слова первыми сорвались с его губ в этом кошмаре. Точно так же он спросил бы и в далеком детстве.

Су Чжицин грубо толкнул его в спину:

— Не твое собачье дело! Шевелись!

Мальчик пошатнулся, едва удержав равновесие. Стоило ему переступить порог, как яркий, режущий глаза солнечный свет заставил его зажмуриться. На дворе стоял знойный полдень.

Усадьба Вэнь растаяла без следа. Одним шагом он перенесся из чужого поместья в отчий дом, из глухой полночи — в знойный день.

Он вернулся в свое прошлое.

Во дворе никого не было. Матушка ушла на ярмарку в соседнее село, а старшие братья и сестры гнули спины на дальнем поле.

Су Чжицин нарочно выбрал время, когда дома не останется лишних свидетелей.

Посреди двора стоял незнакомец в дорожном платье призрачного лекаря. Для десятилетнего Су Цзюгуя эти двое мужчин казались настоящими великанами.

Их длинные, уродливые тени легли на мальчика, скрыв его от палящего солнца плотным, зловещим саваном.

— Ну чего застыл как истукан? Иди давай, — Су Чжицин бесцеремонно толкнул ребенка вперед.

Призрачный лекарь подхватил покачнувшегося мальчика за плечи и недовольно процедил:

— Своя же кровь. Поаккуратнее нельзя?

Су Чжицин лишь презрительно сплюнул:

— Подумаешь, кровь. У меня шесть сыновей. Одним меньше, пять останется.

В чем Су Чжицин никогда не испытывал недостатка, так это в лишних ртах. В нищей многодетной семье смерть одного ребенка была скорее избавлением, чем трагедией.

— Раз так, может, продашь его мне насовсем? — прищурился лекарь.

— Раскатал губу, — огрызнулся отец. — Я присматриваю для него теплое местечко в борделе. Сколько ты мне за него дашь? Мелочь. А там за него хорошую монету выручить можно.

— В бордель? — лекарь удивленно приподнял бровь. Видимо, даже для него подобная низость со стороны родного отца оказалась неожиданностью.

Он вновь пристально оглядел мальчика с ног до головы и протянул:

— А ведь и правда хорош собой. Сразу и не поверишь, что твоя порода.

— Пошел ты к черту! — выругался Су Чжицин. — Брать-то будешь или только зубы заговариваешь?

— Буду, буду, куда я денусь, — поспешно закивал лекарь.

Даже в глухих деревнях люди редко продавали собственных сыновей. Лекарь прекрасно знал: если заядлый картежник начинает раздавать по частям собственную плоть и кровь, значит, он опустился на самое дно, откуда нет возврата. Но встретить кого-то настолько безжалостного, как Су Чжицин, способного продать собственного ребенка без тени сомнения, удавалось нечасто.

— Пятьдесят лянов серебра за час, как договаривались, — напомнил Су Чжицин, протягивая руку.

Лекарь вложил бумажные купюры в его грязную, сухую ладонь и с любопытством спросил:

— И тебе даже не интересно узнать, что я с ним сделаю?

Су Чжицин поднял банкноту к солнцу, проверяя водяные знаки, и равнодушно бросил:

— Да хоть сожри его. Главное — личико мне не порти. Через пару дней приедут важные люди на него посмотреть.

«Настоящий делец», — усмехнулся про себя лекарь.

Даже дикие звери не пожирают свое потомство, но этот человек давно перестал быть человеком.

Су Чжицин взвесил и оценил каждую косточку своего сына. Если бы мог, он бы без колебаний срезал с него мясо и распродал по кусочкам.

У лекаря была на редкость мягкая, располагающая улыбка. Он ласково приобнял мальчика за плечи и повел со двора. К его великому удивлению, Су Цзюгуй даже не попытался вырваться — послушно, без единого звука побрел следом за чужаком.

Когда они миновали покосившуюся калитку, лекарь не выдержал и поинтересовался:

— А почему ты не стал умолять отца?

В этой семье все было шиворот-навыворот: отец вел себя как чужак, сын — как бесчувственная кукла. Если бы ребенок разрыдался и упал в ноги, возможно, в очерствелом сердце Су Чжицина шевельнулось бы нечто похожее на жалость.

Мальчик ответил тихо и сухо:

— Помогло бы?

Лекарь на мгновение опешил. Необычайная, почти пугающая рассудительность ребенка застала его врасплох. Мальчик понимал бесполезность слез и не собирался тратить силы впустую.

Этот лекарь поселился в деревне недавно, заняв ветхую мазанку у самой кромки леса. По дороге им то и дело встречались местные жители. Соседи давно знали, что Су Чжицин ищет покупателя на младшего сына, поэтому сцена не вызвала у них уверенности или удивления.

В деревне шептались, что Су Чжицин сдает мальчишку в аренду для грязных утех заезжим господам.

Поговаривали, будто богатеи из города питают пагубную слабость к красивым детям — именно поэтому отец и планировал пристроить сына в публичный дом.

«И надо же, — завистливо думали крестьяне, — какая хватка у этого пьяницы. Мало того что в бордель сдает, так еще и напоследок умудряется выжать из него каждую медную монету».

Су Цзюгуй безропотно вошел вслед за лекарем в его жилище. Внутри царил полумрак — маленькие оконца едва пропускали скудный дневной свет.

Вдоль всей стены тянулись массивные полки, уставленные рядами стеклянных сосудов. Сквозь мутное стекло без труда можно было разглядеть их содержимое.

Мозги.

В ближайшем к нему сосуде плавал мертвенно-серый человеческий мозг, испещренный тонкими багровыми прожилками запекшейся крови. Мальчик никогда прежде не видел ничего подобного и не мог знать, кому он принадлежал при жизни.

На верхних полках покоились сердца, легкие, печень и почки, а также причудливые, уродливые внутренности каких-то неизвестных чудовищ.

Воздух в комнате был пропитан удушливым, тошнотворным запахом гниения.

Су Цзюгуй остановился. Позади сухо щелкнул засов — лекарь запер дверь на замок.

Ребенок даже не вздрогнул. Окинув взглядом комнату, он заметил тяжелое деревянное кресло, очевидно приготовленное для него, и спокойно направился к нему.

Лекарь окончательно растерялся от его поведения. Мальчик держался неестественно тихо, словно шел не на пытку, а к обеденному столу, ожидая, что сейчас ему подадут горячую похлебку.

— И ты даже не попытаешься сбежать? — недоуменно спросил мужчина.

Любой другой ребенок на его месте уже забился бы в истерике, умоляя отпустить его домой, но этот мальчик стоял смирно, точно каменное изваяние.

В последнее время Су Цзюгуй начал быстро расти: старое рубище стало ему коротко, из рукавов торчали худые запястья, а сам он казался хрупким, тонким тростником.

Он медленно поднял веки и все так же бесстрастно повторил:

— Поможет?

И то правда. Мазанка была надежно защищена барьерами и скрытыми талисманами — что мог сделать обычный, истощенный ребенок против ведовства?

— Тебе не страшно? — допытывался лекарь.

Су Цзюгуй покачал головой, устремив на него ровный, чистый взгляд.

Мужчину охватило странное замешательство. Ему казалось, что перед ним сидит вовсе не дитя. Откуда в столь нежном возрасте могла взяться эта мертвая, пугающая отрешенность?

— Неужели ты совсем ничего не чувствуешь? — пробормотал он.

Он родился лишенным мирских страстей и привязанностей, свободным от оков чувств и земных тревог.

— Не знаю, — ответил Су Цзюгуй.

«Пожалуй, оно и к лучшему, — подумал лекарь. — Без чувств куда легче. Будь этот ребенок ранимым и чутким, суровые будни в доме Су Чжицина давно превратили бы его жизнь в сущий ад. Лучше уж быть бесчувственным обрубком».

Раззадоренный необычным поведением пленника, лекарь спросил:

— А если я решу убить тебя?

— Захоти вы меня убить, сделали бы это еще у нас дома, — спокойно отозвался Су Цзюгуй.

Переступив порог, он сразу приметил сосуды на полках. Там хранились внутренности демонов.

Обычному человеку не под силу раздобыть подобные диковины. Если бы этот лекарь пожелал пустить кровь его семье, никто в доме Су Чжицина не дожил бы до заката.

Но раз уж он честно платит отцу пятьдесят лянов серебра за час работы, значит, планирует вернуть товар в целости и сохранности.

Су Цзюгуй обвел взглядом заставленную банками комнату и добавил:

— Полагаю, вам не улыбается перспектива спешно собирать вещи и искать новое убежище.

В этой лачуге скопилось слишком много ценного и редкого скарба. Смерть Су Цзюгуя неизбежно привлекла бы лишнее внимание. Су Чжицин ни за что не расстался бы со своей дойной коровой без боя, а значит, лекарь рассчитывал на долгое и взаимовыгодное сотрудничество.

Мужчина лишь горько усмехнулся. Мальчишка оказался дьявольски умен.

Впрочем, его ледяное спокойствие играло лекарю на руку — такой подопытный не станет устраивать сцен и мешать ритуалу.

Лекарь развернул плотный кожаный сверток, являя свету россыпь скальпелей, ланцетов и длинных игл разной толщины.

— Я лишь ненадолго позаимствую твою плоть, — мягко произнес он. — Не бойся, в первый раз обычно никто не умирает.

Су Цзюгуй промолчал. Он не понимал, что значит «позаимствовать плоть», и тем более не знал, какую цену придется заплатить за этот «первый раз».

Означало ли это, что сегодня он выживет? А что будет во второй? В третий?

Лекарь достал с полки небольшой глиняный кувшин, наглухо запечатанный воском. Отыскать в его недрах взглядом что-либо было невозможно.

— Будет больно, — предупредил мужчина.

Он осторожно взял мальчика за руку и закатал его рукав повыше. Увидев следы от железного гребня, лекарь на миг запнулся, поняв, что его предостережение прозвучало глупо. Этот ребенок давно привык к боли.

Острое лезвие ланцета скользнуло по коже, оставив небольшой надрез размером с ноготь. Стоило темной крови выступить на поверхность, как на лице Су Цзюгуя впервые промелькнуло нечто человеческое. Настоящее, детское.

Он нахмурился. Ему действительно было больно.

Крышка кувшина соскользнула в сторону. Из темного нутра, окутанная плотным черным туманом, медленно показалась крошечная змейка. Она хищно зашипела, непрерывно вытягивая наружу раздвоенный алый язык.

Зрачки Су Цзюгуя сузились до предела. Каким бы отрешенным он ни казался, он оставался человеком, а древний, иррациональный страх перед демонами прописан в человеческих костях на уровне инстинктов.

Мальчик рванулся в сторону, но лекарь предвидел эту вспышку страха. В мгновение ока желтые полосы талисманов со свистом обвили его тело, намертво пригвоздив конечности к дереву.

Руки оказались прижаты к подлокотникам, ноги — стянуты у ножек кресла.

Он не мог шевельнуть даже пальцем.

Почуввав свежую кровь, змея резко ринулась вперед и вонзилась в открытую рану. Кожа на предплечье натянулась, плоть раздвинулась — тварь упорно пробивала себе путь внутрь, стремясь слиться с его костями и венами.

Под кожей мальчика вздулась жуткая, шевелящаяся линия, а снаружи покачивался чешуйчатый змеиный хвост.

Трудно сказать, насколько сильна была боль — в тот миг его разум окончательно погрузился в хаос.

Нечто ледяное и склизкое проникало все глубже, терзая плоть изнутри. Он перестал понимать, то ли змея пожирает его органы, то ли он сам растворяет и поглощает ее демоническую суть.

В сознании воцарилось безумие. Время потеряло привычный ход, осколки воспоминаний перемешались в безумном калейдоскопе. В одно мгновение он видел себя диким лисом, сжавшимся на дне гроба в Мастерской Цицяо и пытающимся уклониться от карающего клинка Ло Цяоцяо.

В следующее — он снова был маленьким испуганным малым, запертым в лесной хижине наедине с безумным лекарем и его змеями.

Его собственное «я» слилось с душой демонического лиса, их судьбы и шрамы переплелись столь тесно, что он уже не помнил, кто он на самом деле — великий Бессмертный Лу Юньцзи или несчастный дикий зверь.

Он ведь далеко не впервые примерил на себя шкуру демона. Много лет назад в его человеческом теле уже селились потусторонние сущности.

Именно из-за этого проклятия наставник когда-то и забрал его на священную Гору Великой Чистоты.

Просто с тех пор минуло слишком много веков, и старые раны затянулись дымкой забвения. Рядом с бездной в тысячу лет одно мгновение детства кажется сущим пустяком.

Твари селились внутри него, пожирали его плоть, пытались подчинить его волю своей... Но он выжил, заставив даже призрачного лекаря содрогнуться от изумления.

«Как тебе удастся остаться в живых?» — раздался в ушах его удивленный, далекий голос.

Действительно. Как же я умудрился прожить так долго?

<http://bllate.org/book/18298/1755147>